

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЖИДАНИЙ

ЖЕЛАНИЯ И ОЖИДАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

А. В. Нечаев

В статье предлагается понимание желания и ожидания как социальных явлений. Подчеркиваются основные признаки социальной деятельности как принципиально отличной от биологических и психических процессов, свойственных человеку. Желания и ожидания понимаются как особые виды социальной деятельности. Поясняется высокая практическая важность и важность различения рассматриваемых понятий.

Ключевые слова: желания, ожидания, социальные явления, социальная деятельность, возможность.

О важности научного определения понятий

Очевидно, благодаря высокой популярности феноменологических подходов в современной науке сегодня накоплены огромные знания о свойствах и различных сторонах социальных явлений. Усложнение социальной реальности, рост количества создаваемых и перерабатываемых научных и аналитических текстов стали фактором критического умножения понятий, которыми оперируют ученые и практики. При этом границы и определенность этих понятий оказались крайне размытыми.

По этому поводу мне кажется необходимым сделать два существенных замечания. Во-первых, предельно важно то, что, используя какое-либо понятие, мы в любом случае вкладываем в него определенный смысл, но, зачастую, это наш субъективный смысл: тот, который рождается у нас из каких-то прецедентов, из какого-то контекста, из нашей обыденной действительности — в то время как все-таки понятия обладают всегда своим собственным содержанием, тем содержанием, которое кристаллизовалось в этой логической форме за всю его историю через усилия познания данного явления и применения соответ-

*Об авторе:
Нечаев Алексей
Владимирович*

*д-р филос. наук, доцент,
главный научный
сотрудник Института
изучения общественных
явлений.*

*Адрес для переписки:
Россия, 443001, г. Самара,
ул. Молодогвардейская,
196.
E-mail: avnechayev@ya.ru*

ствующего понятия многими и многими поколениями людей. И мне кажется, что очень важно всегда пытаться выделить это собственное значение смысла слова и оперировать именно им, потому что если мы оперируем другими его значениями, теми, которые нам кажутся удобными, уместными, или ассоциативными, синонимичными, или «само собой разумеющимися», тогда надо отдельно и каждый раз заново договариваться о смысле слов, чтобы избавить человечество от заблуждений. Оперировать субъективными значениями понятий в науке практически оказывается нельзя. Если мы утрачиваем смысл слова, тогда мы утрачиваем рациональность, а рациональность — это важнейший признак и науки, и любого социального устройства. Если этого признака нет, то это значит, что у нас совершенно случайностная действительность, и наша деятельность, по сути дела, ведет к деградации социальности, она деструктивна.

Социальная природа понятий «желание» и «ожидание»

Во-вторых, возникает вопрос, где искать этот собственный смысл слова, на каких уровнях существования того самого, отражаемого им явления? И, соответственно, в какой науке? Понятиями «ожидания», «желания», как и многими другими понятиями, описывающими то, что делает человек, на сегодня главным образом оперируют в науке психологии. Безусловно, возможно в рамках изучения психических процессов обращаться к исследованию тех или иных психических состояний, связанных с процессами ожиданий и желаний. Тем не менее, мне кажется, что рассматривать то или иное свойство человека, качество человека, деятельность человека на уровне системы условных и безусловных рефлексов, на уровне его внутренней эмоциональной «переживательной» жизни — не совсем корректно. Все-таки человек как целое принадлежит миру социального. Это совершенно другая природа, это вторая — новая — природа, которую создает человек, и которая, в конечном счете, создает человека. То, что психические процессы сохраняются у человека, вовсе не означает, что именно они определяют его социальное бытие. Социальная деятельность человека изначально ограничивает, а, в конечном счете, вообще противостоит как его физиологическим, так и его психическим реакциям на окружающую действительность. Поэтому для психологов подобные исследования означают либо необходимость выхода далеко за пределы предметного поля их науки, либо изначальное искажение, «обрезание» предмета исследования, вплоть до ошибочной редукции социальных процессов к биологическим.

Тем не менее, довольно часто корни и даже особенности социальных по своей сути явлений определяют на уровне условных и безусловных рефлексов человека. Даже при формальном согласии с утверждением социальной природы того или иного явления, по сути явление редуцируют к исторически предшествующим биологическим формам. Это относится, например, к явлению одаренности (см. работы В. П. Эфроимсона по генетике гениальности или замечания Л. С. Выготского об одаренных животных) [Эфроимсон 2002; Выготский 1993]. Это также относится и к рассматриваемым в этой статье явлениям.

Нисколько не умаляя достоинств исследований физиологических или психологических аспектов существования тех или иных социальных явлений, включая «ожидание» и «желание» (а эти аспекты, безусловно, существуют), в первую очередь следует обратить внимание на собственное и содержательное существование этих явлений именно как социальных. Поэтому, на мой взгляд, поиском изначальных смыслов подобных понятий следует заниматься в аспекте социальной философии.

Выбор для сопоставления именно этих двух понятий, «желание» и «ожидание», объясняется тем, что они играют чрезвычайно важную роль в формировании человеческой деятельности и его образа будущего, но, в то же время, эти два существенных и разнонаправленных процесса зачастую неосознанно смешиваются, не различаются. Это происходит и в науке, и в практике, и в обыденной жизни. А процессы эти хоть и близкие, но разные, иногда, действительно, совпадающие, а иногда — взаимоисключающие. Например, есть разница между ожиданиями родителей по отношению к своему ребенку и их желаниями, связанными с этим ребенком, с его становлением? Родители хотят видеть ребенка чрезвычайно успешным в какой-то области, они вкладываются, заставляют ребенка заниматься, условно говоря, музыкой и надеются, ждут, верят, что из него получится великий музыкант. На самом деле, они очень хотят и ждут реализации своих желаний, а не его судьбы. Какой может получиться музыкант из замученного родительскими желаниями ребенка? Если и может получиться, то, может быть, грамотный труженик, может, он чему-то научится из-под палки, но великий музыкант, конечно, не получится, потому что индивидуальность в таких условиях не формируется. Нельзя выдавать свои желания за чужое будущее.

Эти понятия оказываются синонимами даже для теоретиков в социологических и психологических опросниках, тем более трудно их разграничить школьникам и их родителям. Понятие «ожидания» представляется сегодня популярным и значимым элементом социально-экономических исследований и общественных моделей, но они ли при этом исследуются? В ряде методик оценки общественного сознания, измеряя на самом деле желания, мнения, представления людей относительно возможных будущих ситуаций, предмет оценки нередко обозначается понятием «ожидания», например, индекс оценки социальных ожиданий ВЦИОМ, измерение ожиданий в методике индекса потребительской уверенности, ZEW Indicator of Economic Sentiment. И наоборот — всемирно известный «Индекс восприятия коррупции» пытается на самом деле измерять коррупционные ожидания, то есть спрашивает о частоте выбора человеком определенного образа действий.

Понятие «желание»

И если мы с этой точки зрения посмотрим на эти понятия, на процесс кристаллизации этих понятий, их генезиса, роста, становления, то в этом случае полезно обратиться к истории слова. В этимологических словарях указывается на связь между древнерусским «желати» (желать) и «желѣти» (жалеть) и через него с «желя» (скорбь, печаль, горе). [Черных I 1999, 295]. Желание связывалось нашими предками с неким раздражающим действием, которое деформирует текущее состояние субъекта,

и он на это реагирует, он реагирует на «жало». Как он реагирует на жало? Он может жаловаться, что ему дискомфортно, что ему плохо, он может жалеть себя, того человека который испытывает действие жала, он может что-то жаловать, то есть компенсировать действие жала, и он, в конце концов, может что-то желать.

Эта сторона желания, я думаю, очевидна, и она как раз стала поводом для того, чтобы поместить желание в сферу психического или телесного: желание рождается в бессознательном, является сферой действия и выражением бессознательного (см., например, З. Фрейд. Человек и Волк). Показателен анализ онтологии желания М. Эпштейна, который выводит общие существенные признаки этого явления из неудовлетворенности эротического стремления организма [Эпштейн 2006]. Этот взгляд прочно укрепился в науке. Весь социальный мир рассматривается «в регистре желания, а не разума, Эроса, а не Логоса» [Краснухина 2005, 5]. Человек уже не познает, а переживает окружающий мир, в том числе через свои желания, укорененные в бессознательном. «Субъект желания — это само бессознательное или реальное, переставшее быть объектом мысли» [Краснухина 2005, 6].

Трансформация внешних (жалящих) воздействий в ответное действие человека и есть в широком смысле предмет всей психологической, социологической, экономической, философской литературы по этой теме. При этом, тем не менее, остается нерешенным вопрос определения места желания в этом взаимодействии внешних раздражителей, внутренних потребностей, стремлений, поведения, наконец, деятельности человека. Мне кажется достаточно обоснованной та точка зрения, разделяемая многими учеными, что в этой парадигме развития человеческих состояний, вследствие «жалящего воздействия», желание стоит на высшем уровне, и это уже рациональный акт, где организм воспринимает, обрабатывает информацию на своем уровне существования, то есть на уровне социальном, и он уже принимает решение, что ему с этим делать, он формирует некое желание. Но вот насколько оно рационально, это все-таки вопрос. Потому что оно может осознаваться, может не осознаваться, может осознаваться весьма смутно, это зависит от многих факторов, от того, насколько человек умеет работать с информацией, как он ее умеет анализировать, как он ее умеет, в конце концов, вербализовать, как у него развит этот аппарат рациональной деятельности, в каких условиях он находится, достаточно ли у него времени для анализа, для формирования своего желания, или у него слишком много времени и т.д. Но, безусловно, что это всегда некий ответ на дискомфортную ситуацию, порождение какой-то потребности в том, что сейчас недостает человеку, и формируется в качестве действия, стремления к осуществлению определенного изменения как ответу на какое-то дискомфортное состояние.

Другая проблема, связанная с «жалом», сопутствующим желанию, касается отношения человека к желанию. Здесь, на мой взгляд, и в обыденном сознании и в науке доминирует точка зрения на желание как на некое страдательное состояние. Так, с одной стороны, современное общество иногда шепчет, а иногда просто громко говорит человеку: «осво-

боди свои желания — и будешь счастлив», «не стесняйся». А, с другой стороны, существуют религии, которые призывают человека освободиться от желаний. Это наблюдение зафиксировано и в науке. Например, К. С. Пигров устанавливает тождество между желанием как «культивированным» явлением и терпением, «т. е. способность[ю] жить с болью желанья, в боли желанья и болью желанья» [Пигров 2005, 114]. Человек в этой парадигме существует в борьбе со своими желаниями, со своим бессознательным, со своим телесным. Таким образом, в соответствии с этим распространенным взглядом желание представляется как некое ответное состояние страдания, как исключительно психическое или психологическое переживание.

С таким пониманием желанья я бы не согласился. Желанья, если, например, обратиться к такому аргументу как опыт литературы, которая осмысляет действительность, описывает ее и, точно так же как наука, выполняет главным образом познавательную функцию, то в литературе, мне кажется, давным-давно зафиксировано представление о том, что страдательным для человека является как раз отсутствие желаний, когда «я пережил свои желанья, я разлюбил свои мечты», когда «мне нечего больше хотеть». Вот страдательное состояние, вот трагедия, вот трагичное и обреченное переживание утраты желаний! А наличие желаний — это всегда огромный двигатель, огромный позитивный созидательный момент в существовании человека, поэтому человек стремится к этому, поэтому литература фиксирует в самых разных формах это, начиная с фольклора, начиная от трех желаний, от трех орешков для золушки, волшебной щуки, золотой рыбки, цветика-семицветика. Получить желание, возможность реализации своей потребности — великое дело. Мне кажется очень ограниченным взгляд на страдательность психического переживания этого состояния.

Поскольку желание возникает в качестве ответа на возникающее состояние дискомфорта, то исходным понятием в лексической парадигме «желанья» является «желать» [Черных I 1999, 295], это глагол, как это верно фиксируется в русском языке, это «что-то делать», поэтому собственно деятельность выступает неотъемлемой частью ожидания, она существенная часть этого процесса. Другие аспекты желанья — такие, как рациональность, целенаправленность, эмоциональность этого явления могут быть несущественными, а вот деятельность является самой существенной частью, причем деятельность по реализации своей потребности. Еще раз подчеркиваю, своей собственной потребности. Но каким образом это возможно, что может сделать человек, чтобы компенсировать недостаток чего-то, если этого нет в данный момент? Может многое — создавать условия.

Понятен механизм психических и физиологических реакций, например, живой организм обжегся обо что-то, он инстинктивно уходит от источника дискомфорта. Вот, с одной стороны, дискомфорт — вот, с другой стороны, уход от него. Когда же мы говорим о социальной реальности, то здесь всякое явление требует своего создания и требует своего времени на созидание, на изменение действительности, и эта действительность автоматически завязана на очень большой круг людей, потому

что это и общественная деятельность, это уже социальная деятельность, а не просто индивидуальная. Вы можете что угодно думать про себя, какие вы исключительные, какие вы особенные, но все равно мы живем среди людей. «Жить среди людей и быть от этого независимым невозможно». То есть, нравится нам это или нет, но социальная деятельность — это всегда совместная деятельность, это зависимость от других людей, других волей, желаний и ожиданий. Поэтому невозможна непосредственная прямая реакция, устраняющая социальный дискомфорт, это процесс созидания того, чего нет, следовательно, напрямую, непосредственно человек не может созидать то, чего пока еще нет, он может создавать только условия для того, чтобы «это» появилось.

Я бы определил желание как деятельность, направленную на создание возможностей удовлетворения человеком своей конкретной потребности.

Понятие «ожидание»

Ожидание рассматривается как важный фактор существования и на уровне отдельного человека, и на уровне государства, и в межличностных, и общественных взаимодействиях. Каждая отрасль науки, конечно, рассматривает свою сторону этого явления, при этом наполняя понятие «ожидание» своим особым содержанием. Так, в психологических и социально-психологических исследованиях доминирует представление об ожиданиях как об особом образе, в котором определяющими являются неосознанные психологические состояния личности, базирующиеся на ее предшествующем опыте (установки). В этом направлении изучаются психологические аспекты состояния ожидания, например, [Atkinson 1964; Fishbein 1972; Vroom 1964], самооффективность [Bandura 1997], эффекты осуществления ожиданий [Rosenthal 1992; Merton 1948] и т. д. В социальной теории ожиданий последние понимаются как особый вид требования относительно следования образцам поведения и выполнения социальных норм, например, [Parsons 1937; Garfinkel 1967]. В экономических и политических исследованиях ожидания в целом рассматриваются как основанные на имеющейся информации прогнозы будущих событий (informed predictions of future events) [Muth 1961, 316]. Хотя понятие «ожидания» наполняется учеными определенным содержанием, нам не известны исследования, в которых бы само это явление стало предметом изучения, — предметом исследования становятся социальные процессы или явления, для которых ожидания являются фактором или одним из условий.

Ожидание — это процесс близкий, иногда очень похожий на желание, но принципиально направленный на иное. Опять же если обратиться к этимологии этого слова, то увидим, что глагол «ждать» в древнерусском языке имел вид «ждати» : «жидати» [Черных I 1999, 294]. Эта форма сохранилась, например, в слове «ожидать». Можно предположить, что «жидати» появилось из «жизнь дати». То есть ожидание исторически в исходном варианте понималось как некое «даяние». Даяние жизни чему? Тому, чего нет, нет в принципе, и тому, что к тебе не имеет никакого отношения. Ожидание всегда существует по отношению к тому, что от тебя никак не зависит. И поскольку это всегда направлено вовне на то, что

существует независимо от тебя или еще вообще не существует, также независимо от тебя, то оказывается, что легче всего воспринимать этот процесс ожидания как ничегонеделание, как состояние вынужденного бездействия, опять же как страдательное состояние, где мы должны потерпеть, подождать, может все обойдется, может не случится, а оно идет, как «ступа с бабою Ягой идет-бредет сама собой». И вот она может прийти к нам, а может не прийти, а мы в данном случае как некое страдательное начало, которое вынуждено терпеть эту вынужденную тягу.

Я думаю, что это принципиально неправильный подход к пониманию ожиданий, опять же я бы сказал, что «ждать» — это глагол, это глагол действия, и исторически он понимается как делание чего-то, как даяние существования тому, что пока не существует. Ожидание — это специфическое состояние субъекта, в котором эта деятельность доминирует. Если эта деятельность не доминирует, то и ожидания нет как состояния. Этот глагол или это состояние описывает, характеризует деятельность человека по отношению к тому, что в своем собственном существовании от этого человека не зависит.

Простейший пример: рыбак сидит на берегу с удочкой и ждет поклевки. Если он просто сидит — то не ждет. Может, он отдыхает от городского шума, может, наслаждается красотой природы, дышит свежим воздухом, но — не ждет клева. А если ждет, то будет менять насадки, прикормку, подбирать снасти, изменять глубину ловли, место... Что нужно сделать, чтобы произошло рождественское чудо? Как минимум — зажечь свечу, поставить ее на окне и не дать ей погаснуть. А если «се, гряди скоро», — то и спать нельзя, надо бодрствовать.

Ожидаемое событие может и не произойти, поскольку, еще раз повторяю, ожидание возможно только в том случае, если действительность этого события не зависит от данного субъекта. «Не властны мы...» Но, безусловно, целенаправленная деятельность субъекта меняет действительность и меняет вероятность происхождения того или иного события. Поэтому ожидание — это, конечно же, главным образом не те эмоциональные переживания, которые происходят во время этого процесса — хоть страх, хоть страсть, хоть что угодно, и не то физиологическое состояние, которое испытывает человек во время этого:

Потом жарким я обливаюсь,
Дрожью члены все охвачены,
Зеленее становлюсь травы,
И вот-вот, как будто, с жизнью прошусь я.

В стихотворении Сафо дается очень хорошее описание и физиологического, и психического состояния во время ожидания. Но даже здесь главное не это, не то, что «немее тотчас язык, под кожей легкий жар пробегает», а то, чего и как она ждет, то, из-за чего происходит эта внутренняя борьба: «лишь тебя увижу...», эта трансформация действительности своего «я», поскольку

Богу кажется равным по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос, и прелестный смех...

Это главным образом и в первую очередь именно социальная деятельность человека, особая, специфическая деятельность. И для осуществления этой целенаправленной деятельности надо много чего знать: надо знать природу того или иного явления, как оно существует, надо понимать, на что, на какую часть реальности может быть направлено твое действие для увеличения возможности того или иного события.

Эта деятельность ожидания вообще существует практически как часть любой социальной деятельности, вообще любой: учебы, управления, научных исследований, кулинарной деятельности. Например, когда мы замесили тесто, мы ждем, когда оно подойдет, когда мы поставили пироги в духовку, мы ждем, когда они испекутся. Эта часть всегда существует, потому что в социальной реальности все происходит опосредованно, ничто не дается непосредственно. Чтобы что-то произвести, нам нужны ресурсы — нам нужен пункт А, нам нужен промежуточный пункт Б и пункт С, на котором мы можем ожидаемое получить, а можем не получить. Потому что в своем существовании, в конечном счете, даже пироги — это самостоятельный отдельный от нас, это «не часть нас» предмет. Поэтому получится или не получится — это всегда вопрос. Да, в процессе непосредственной функциональной деятельности человека процесс ожидания может быть ничтожно мал. Но он есть. Пример с теми же пирогами, которые мы поставили в духовку и ждем, что скоро они будут готовы. Деятельность ожидания в этом случае во многом исчерпывается контролем над протеканием процесса выпечки и корректировки условий его протекания. Да, что-то может произойти, может тесто в этот получилось не таким правильным, может электричество отключат, еще что-то, и ожидаемое не сбудется. Множество факторов участвует в конечном производстве предмета, и происходит то, что мы ожидали, или то, чего мы не ожидали даже и в непосредственном изменении материальной структуры. Кажется, что это простая производственная деятельность, ты просто как-то меняешь структуру реальности, какие-то ее элементы — варишь варенье, а получилось что-то не то, неожиданно. Или наоборот, «находим часто, где не метим», где не ожидаем.

Ожидание — это часть любой деятельности, но тоже как именно деятельность. А что мы можем сделать для того, чтобы что-то произошло? Как и в процессе производства наших желаний мы можем создавать возможности совершения, происхождения или недопущения совершения того или иного события. Поскольку мы взаимодействуем с внешними силами, с внешними предметами, всегда в любом действии есть то, что от нас не зависит. Но, если не зависит, то мы можем вообще не иметь к этому никакого отношения, а можем формировать поля возможностей для того, чтобы это произошло. Потому что каким-то образом даже голод в Африке зависит от нас, даже китайско-японский конфликт тоже зависит от нас, все в мире взаимосвязано, поэтому, когда советские граждане выходили на митинги в поддержку мира во всем мире, это имело значение. Так же, как происходят нынешние майданы и различные митинги. Казалось бы, ну поставили вы эти палатки, ну посидели, и что? Это имеет значение, потому что меняет поля возможностей. Не меняя непосредственно сам процесс, это меняет поля возможностей, и, в каком-то случае, они могут сработать. Это есть ожидание, вот это ре-

альное ожидание. Это не то, когда люди сидят в квартире и говорят: «Мы ничего не делаем, потому что мы ждем, когда правительство поменяется». Из этого мечтания ожидания реального события не следует. Не следует, что что-то произойдет, что-то случится.

Поэтому я бы предложил следующее определение. Ожидание — это социальное состояние субъекта, в котором определяющим является целенаправленная деятельность субъекта по созданию возможностей для совершения какого-либо события или предотвращения его совершения, в то время как действительность данного события не зависит от данного субъекта.

Социальные возможности для осуществления того или иного явления могут создаваться различными способами. Во-первых, путем материального производства, непосредственного создания необходимых материальных предметов или процессов. Во-вторых, путем нематериального производства — создания мыслей или образов, производства идей, знаний, верований, информации, установления норм, правил, ценностей, обязательств. В любом случае ожидание — это, безусловно, целенаправленное производство возможностей.

Эта целенаправленная деятельность может не только разными способами осуществляться, то есть материальным и нематериальным, но и может осуществляться в разных направлениях. Можно изменять другого субъекта, от которого зависит происхождение того или иного события, например, накладывая на него те или иные обязательства, например, формируя ту или иную необходимость. Эта деятельность по производству может быть направлена субъектом на самого себя, когда он осуществляет какие-то изменения в собственной структуре или в собственной манере поведения, образе жизни, собственной структуре жизнедеятельности, собственной структуре мыслей. В каких-то случаях, например, стараясь соответствовать общественным требованиям, общественным нормам, в каких-то случаях, напротив, стараясь отличаться от общественных норм, в каких-то случаях стараясь соответствовать индивидуальным запросам, в каких-то случаях, наоборот, вступая в явное противоречие с индивидуальными запросами. Это тоже поля возможностей. Это разные возможности, которые создает человек, изменяя ту или иную сторону действительности. В конце концов, эта деятельность по созданию возможностей может быть направлена на третьи силы, на внешние силы, на высшие силы, в попытку договориться с богами, с судьбой, с кем угодно. «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» О чем вопрос? Выполнила ли ты все необходимые ритуалы? Договорилась ли ты с внешними силами, к которым ты сейчас отправишься? Разнонаправленная деятельность.

Специально в моем определении нет осознанности этого действия, потому что степень его осознания может быть различной, может вообще не присутствовать. Человек не знает, что он делает, но при этом действует целенаправленно, не давая себе в этом отчета, не рефлексировав по этому поводу. С чем это может быть связано — неважно. Не развита рефлексия, или с каким-то эмоциональным состоянием, или с каким-то запретом на осмысление, или еще с чем-то, человек не думает, что он

делает, но он это делает. «Душа ждала...», но — кого-нибудь. А в каких-то случаях это может очень четко осознаваться, что делается, зачем делается, какими ресурсами, какими способами создаются поля возможностей для происхождения того или иного события.

Например, кто-то *хочет* эффектно выглядеть, кому-то понравиться и *ждет*, чтобы к нему проявил внимание другой определенный человек. Если для этого человек наносит на себя боевую раскраску, снимает всю одежду, оставляя на себе тот минимум, который подчеркивает выпирающие формы и отправляется на улицу, то скорее всего эффект будет неожиданным, произойдет что-то неожиданное, потому что и деятельность желания, и деятельность ожидания субъект совершил, но деятельность неправильную. Поэтому произойдет то, чего никто не ждал. Деятельность желания «выглядеть определенным образом» в данном случае убила ожидание определенного поведения другого человека. Свои желания («желания для себя») вообще нельзя переносить на другого человека — либо они там не живут, либо этот человек перестанет жить. Можно только ждать от него чего-то, и, в лучшем случае, надеяться на это.

Практическое значение предложенного понимания ожидания как деятельности

Если у людей есть различные мечты и внутренние переживания — это здорово, но социально не значимо, мало ли кто, что и как переживает, «чужая душа — потемки». А вот если В. Цой поет: «Мы ждем перемен», а люди подхватывают эту песню, она становится лозунгом — тогда это имеет социальное значение, это означает: мы толкаем действительность к переменам, мы создаем для нее иные возможности и долженствования, иные векторы движения.

Мы же все до сих пор думаем, что ждать — это ничего не делать. Вот другой пример народной мудрости: «ждать, да догонять, хуже нет». На самом деле это означает, что ты осуществляешь свою деятельность, изменяешь реальность, но ты ее неправильно изменяешь, не в ту сторону, а «хуже нет» — потому, что потом тебе снова приходится ее менять, и в большем объеме, и, возможно, тоже неправильно. Большое количество работы произведено напрасно, во вред.

Что интересно, только немногие люди, очевидно, хорошо рефлексирющие свою деятельность, признают, что они не умеют ждать. Тогда как это совершенно точная формулировка: человек не знает, что нужно делать, он этому не обучен. А вот «ты умела ждать, как никто другой» — это значит, что ты очень правильно сделала то, что обеспечило Симонову возвращение. Это целенаправленная деятельность по созданию возможностей события, в данном случае направленная на другого субъекта. Ведь иногда бывает так, что ему и смысла нет возвращаться, а иногда ему надо вернуться, тогда это дополнительное обязательство становится частью его профессиональной деятельности, потому что при всем прочем он еще и обязан вернуться. Если ты умеешь ждать, ты знаешь, что делать, ты правильно адекватно реагируешь в этой ситуации, создавая условия для происхождения того или иного события, то тогда

оно и имеет все шансы совершиться. «Ты умела...», а другим этого не понять, они не знают, что надо было сделать.

Поэтому когда педагоги говорят, что «мы ждем от наших учеников того-то и того-то...», то всегда есть вопрос: а что вы для этого будущего делаете? И если ответ: «Мы сидим и ждем», — то это неправильно. «Мы ждем» от них чего-то — это значит: мы делаем. Вопрос, конечно, что конкретно мы делаем, и позволит ли эта деятельность оправдаться нашим ожиданиям, или она ведет совершенно в другом направлении. Это другое понимание того, что есть ожидание — как особый вид и познавательной и производственной деятельности, которому тоже надо учиться, и, может быть, это более сложный вид деятельности, потому что простое производство, например, создание продукта из подручных материалов — это одно, это трудно. Но работать с возможностями еще труднее, потому что ни пощупать, ни потрогать их нельзя. Всем понятно, что для того чтобы что-то испечь, нужно изучать кулинарию. Но ждать — это гораздо более сложная деятельность, чем печь пироги. Если мы понимаем ожидание как особый вид социальной деятельности, то, как и любой другой социальной деятельности — вождению автомобиля, логике, трудолюбию, терпимости — этому тоже нужно учиться, это нужно понимать, это нужно осваивать.

С ожиданиями я бы рекомендовал поступать так же крайне осторожно, как и с желаниями, они сбываются, а желания сбываются, потому что в той или иной степени осознанно человек осуществляет деятельность по их реализации. А вот к ожиданиям человек, как правило, относится неосознанно и вообще не представляет себе результаты этой деятельности. Возьмем тот же пример со стихотворением К. Симонова. Для солдата ожидание его близких — это тот груз, который он берет с собой, и который может обеспечить его спасение, ожидание формирует ответственность, обязанность — ему надо вернуться, и это тот НЗ, который в самых критических ситуациях его может спасти. А вот, например, ребенка, которого заваливают грузом ожиданий, это может раздавить. Потому, что это тоже формирует его ответственность, это формирует его обязательства, которые, зачастую, не позволяют ему реализовывать самого себя, и он начинает действовать так, как от него ждут, а не так, как должен делать он. Ожидание — это очень серьезный и даже опасный инструмент.

Список литературы

- 1 Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. — М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- 2 Краснухина Е.К. Нарциссизм желания или метафора зеркала в философии. // Философия желания. / Посвящается Е.К. Краснухиной. Сборник статей. Под ред. И.В. Кузина. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2005. С.5-17.
- 3 Пигров К.С. Желание как терпение. // Философия желания. / Посвящается Е.К. Краснухиной. Сборник статей. Под ред. И.В. Кузина Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2005, С.113-116.
- 4 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : 13 560 слов : [В 2 т.] / П. Я. Черных. — 3. изд., стер. — М. : Рус. яз., 1999.
- 5 Эпштейн М. Н. Философия тела / М. Н. Эпштейн. Тело свободы / Г. Л. Тульчинский. — СПб.: Алетейя, 2006. — 432 с.
- 6 Эфроимсон В. П. Генетика гениальности: Биосоциальные механизмы и факторы наивысшей интеллектуальной активности / В. П. Эфроимсон. — М.: Тайдекс Ко, 2002. — 374 с.

- 7 Atkinson, J. W. (1964). *An Introduction to Motivation*. Princeton, NJ; Van Nostrand.
- 8 Bandura, A. *Self-efficacy: The exercise of control*. New York: Freeman. 1997.
- 9 Fishbein, M & Ajzen, I. *Beliefs, attitudes, intentions and behaviour: an introduction to theory and research*. Reading, Mass.: Addison-Wesley. 1972.
- 10 Garfinkel, H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice- Hall, 1967.
- 11 Merton, R. K. *The Self Fulfilling Prophecy*. // *Antioch Review* 8 (2 (Summer)). 1948. pp. 193-210.
- 12 Muth J. F. *Rational Expectations and the Theory of Price Movements*. // *Econometrica*, Vol. 29, No. 3. (Jul., 1961), pp. 315-335.
- 13 Parsons, T. *The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York: McGraw-Hill, 1937.
- 14 Rosenthal, R., Jacobson, L. *Pygmalion in the classroom (Expanded ed.)*. New York: Irvington. 1992.
- 15 Vroom, V. L. *Work and motivation*. New York: John Wiley & Sons, 1964.